

К Горьковская Коммуна

Орган Горьковского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 1 (7830)

Понедельник, 1 января 1945 года

Цена 20 коп.

ПРОВОКАЦИОННОЕ И ЗЛОДЕЙСКОЕ УБИЙСТВО НЕМЦАМИ СОВЕТСКИХ ПАРЛАМЕНТЕРОВ В РАЙОНЕ БУДАПЕШТА

Как уже сообщалось, войска 3-го гвардейского корпуса немецких армий и 2-го Украинского фронта 26 декабря генерала Шерера. На западе германские наступали, широкое развернутое наступление. К исходу 27 декабря врага изменил не может быть. Востока, иллюзия подсознания Будапешту и погибли бои на его окраине.

В то же время наши войска, прорвавшиеся, продвинулись на запад от Будапешта до 60 километров и востоке, и тем самым полностью лишили противника возможности прорваться вперед. Наша многоократно помощь своим окруженным войскам.

Таким образом, немецкие дивизии и еще их склонности оружия вражеской части, окружение в Будапеште плотным кольцом советских войск, оказалось обремененным на внезапный разгром.

Советский командование, в лицо командующего войсками 3-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Толбухина и командующего войсками 2-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Малиновского, руководствуясь гуманными целями, в соответствии с международными правилами и обычаями войны, 29 декабря 1944 года направило комендантам в армии и флоте краевого состава окруженных в районе Будапешта войск противника парламентеров со следующим ultimatum:

«Господину генералу, командующему немецко-венгерскими войсками, окруженному в районе Будапешта, командирам, генералам и офицерам немецких дивизий: 13 тд. СС «Фельдхернхalle», 271 пд. и 22 кд. 239 бригады штурмовых артиллерийских полков. Вам призывают немецким войскам, и все офицеры окруженных войск отлично понимают, что дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла и повредит только к истреблению наших войск, к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушению города. Во избежание неожиданного кровопролития, а также в целях сохранения Будапешта для исторических ценностей, памятников культуры и искусства, населению от гибели, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкими и венгерскими войсками во главе с Вам и Вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боеприпасы, транспортные средства и технику, неподлежащую уничтожению.

3. Гарантируем всем генералам, офицерам и солдатам, прекратившим боевые действия, право на вывоз из Германии или любую другую страну по лицам желавшим военнопленных, а сдавшимися Красной Армии цивилиям, после регистрация и допроса, роспуска по домам.

4. Всему личному составу славшихся частей будут сохранены боевые формы, знаки различия, ордена, личная собственность и ценные вещи, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

5. Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

6. Всем сдавшимся генералам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание.

7. Ваш отряд ожидает: на правом берегу Дуная к 12.00 по московскому времени в письменной форме через Ваших представителей, которым надлежит ехать на легкой машине с белым флагом по дороге, идущей от Будапешта к Венгрии, наши парламентеры будут встречены уполномоченным русским офицером в районе Белграда.

8. Все немецкие танки и самоходные орудия, находящиеся в районе Будапешта, сдаются нам немецкими войсками.

9. Командирам, генералам и офицерам венгерских дивизий: 1 пд., 10, 12, 20 пд., 1 охранного полка, 3 полицейского полка, 205 элитного полка; командирам всех окруженных в районах Будапешта немецких и венгерских частей.

10. 25 декабря войска 3-го Украинского фронта выйдут к реке Дунай и заняют Естергом, соединившись с действующими в этом районе группировками на другом берегу Дуная войсками 2-го Украинского фронта и завершивши разгром окруженных венгерских частей.

11. Всему личному составу славшихся частей будут сохранены боевые формы, знаки различия, ордена, личная собственность и ценные вещи, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

12. Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

13. Всем сдавшимся генералам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание.

14. Ваш отряд ожидает: на правом берегу Дуная к 12.00 по московскому времени в письменной форме через Ваших представителей, которым надлежит ехать на легкой машине с белым флагом по дороге, идущей от Будапешта к Венгрии, наши парламентеры будут встречены уполномоченным русским офицером в районе Белграда.

15. Все немецкие танки и самоходные орудия, находящиеся в районе Будапешта, сдаются нам немецкими войсками.

16. Всем немецким солдатам и офицерам.

17. Всем немецким солдатам и офицерам.

18. Всем немецким солдатам и офицерам.

19. Всем немецким солдатам и офицерам.

20. Всем немецким солдатам и офицерам.

21. Всем немецким солдатам и офицерам.

22. Всем немецким солдатам и офицерам.

23. Всем немецким солдатам и офицерам.

24. Всем немецким солдатам и офицерам.

25. Всем немецким солдатам и офицерам.

26. Всем немецким солдатам и офицерам.

27. Всем немецким солдатам и офицерам.

28. Всем немецким солдатам и офицерам.

29. Всем немецким солдатам и офицерам.

30. Всем немецким солдатам и офицерам.

31. Всем немецким солдатам и офицерам.

32. Всем немецким солдатам и офицерам.

33. Всем немецким солдатам и офицерам.

34. Всем немецким солдатам и офицерам.

35. Всем немецким солдатам и офицерам.

36. Всем немецким солдатам и офицерам.

37. Всем немецким солдатам и офицерам.

38. Всем немецким солдатам и офицерам.

39. Всем немецким солдатам и офицерам.

40. Всем немецким солдатам и офицерам.

41. Всем немецким солдатам и офицерам.

42. Всем немецким солдатам и офицерам.

43. Всем немецким солдатам и офицерам.

44. Всем немецким солдатам и офицерам.

45. Всем немецким солдатам и офицерам.

46. Всем немецким солдатам и офицерам.

47. Всем немецким солдатам и офицерам.

48. Всем немецким солдатам и офицерам.

49. Всем немецким солдатам и офицерам.

50. Всем немецким солдатам и офицерам.

51. Всем немецким солдатам и офицерам.

52. Всем немецким солдатам и офицерам.

53. Всем немецким солдатам и офицерам.

54. Всем немецким солдатам и офицерам.

55. Всем немецким солдатам и офицерам.

56. Всем немецким солдатам и офицерам.

57. Всем немецким солдатам и офицерам.

58. Всем немецким солдатам и офицерам.

59. Всем немецким солдатам и офицерам.

60. Всем немецким солдатам и офицерам.

61. Всем немецким солдатам и офицерам.

62. Всем немецким солдатам и офицерам.

63. Всем немецким солдатам и офицерам.

64. Всем немецким солдатам и офицерам.

65. Всем немецким солдатам и офицерам.

66. Всем немецким солдатам и офицерам.

67. Всем немецким солдатам и офицерам.

68. Всем немецким солдатам и офицерам.

69. Всем немецким солдатам и офицерам.

70. Всем немецким солдатам и офицерам.

71. Всем немецким солдатам и офицерам.

72. Всем немецким солдатам и офицерам.

73. Всем немецким солдатам и офицерам.

74. Всем немецким солдатам и офицерам.

75. Всем немецким солдатам и офицерам.

76. Всем немецким солдатам и офицерам.

77. Всем немецким солдатам и офицерам.

78. Всем немецким солдатам и офицерам.

79. Всем немецким солдатам и офицерам.

80. Всем немецким солдатам и офицерам.

81. Всем немецким солдатам и офицерам.

82. Всем немецким солдатам и офицерам.

83. Всем немецким солдатам и офицерам.

84. Всем немецким солдатам и офицерам.

85. Всем немецким солдатам и офицерам.

86. Всем немецким солдатам и офицерам.

87. Всем немецким солдатам и офицерам.

88. Всем немецким солдатам и офицерам.

89. Всем немецким солдатам и офицерам.

90. Всем немецким солдатам и офицерам.

91. Всем немецким солдатам и офицерам.

92. Всем немецким солдатам и офицерам.

93. Всем немецким солдатам и офицерам.

94. Всем немецким солдатам и офицерам.

95. Всем немецким солдатам и офицерам.

96. Всем немецким солдатам и офицерам.

97. Всем немецким солдатам и офицерам.

98. Всем немецким солдатам и офицерам.

99. Всем немецким солдатам и офицерам.

100. Всем немецким солдатам и офицерам.

101. Всем немецким солдатам и офицерам.

102. Всем немецким солдатам и офицерам.

103. Всем немецким солдатам и офицерам.

104. Всем немецким солдатам и офицерам.

105. Всем немецким солдатам и офицерам.

106. Всем немецким солдатам и офицерам.

107. Всем немецким солдатам и офицерам.

108. Всем немецким солдатам и офицерам.

109. Всем немецким солдатам и офицерам.

110. Всем немецким солдатам и офицерам.

111. Всем немецким солдатам и офицерам.

112. Всем немецким солдатам и офицерам.

113. Всем немецким солдатам и офицерам.

114. Всем немецким солдатам и офицерам.

115. Всем немецким солдатам и офицерам.

116. Всем немецким солдатам и офицерам.

117. Всем немецким солдатам и офицерам.

118. Всем немецким солдатам и офицерам.

119. Всем немецким солдатам и офицерам.

120. Всем немецким солдатам и офицерам.

121. Всем немецким солдатам и офицерам.

122. Всем немецким солдатам и офицерам.

123. Всем немецким солдатам и офицерам.

124. Всем немецким солдатам и офицерам.

125. Всем немецким солдатам и офицерам.

126. Всем немецким солдатам и офицерам.

127. Всем немецким солдатам и офицерам.

128. Всем немецким солдатам и офицерам.

129. Всем немецким солдатам и офицерам.

130. Всем немецким солдатам и офицерам.

131. Всем немецким солдатам и офицерам.

132. Всем немецким солдатам и офицерам.

133. Всем немецким солдатам и офицерам.

134. Всем немецким солдатам и офицерам.

135. Всем немецким солдатам и офицерам.

136. Всем немецким солдатам и офицерам.

137. Всем немецким солдатам и офицерам.

138. Всем немецким солдатам и офицерам.

139. Всем немецким солдатам и офицерам.

140. Всем немецким солдатам и офицерам.

141. Всем немецким солдатам и офицерам.

142. Всем немецким солдатам и офицерам.

143. Всем немецким солдатам и офицерам.

144. Всем немецким солдатам и офицерам.

145. Всем немецким солдатам и офицерам.

146. Всем немецким солдатам и офицерам.

147. Всем немецким солдатам и офицерам.

148. Всем немецким солдатам и офицерам.

149. Всем немецким солдатам и офицерам.

150. Всем немецким солдатам и офицерам.

151. Всем немецким солдатам и офицерам.

152. Всем немецким солдатам и офицерам.

153. Всем немецким солдатам и офицерам.

154. Всем немецким солдатам и офицерам.

155. Всем немецким солдатам и офицерам.

156. Всем немецким солдатам и офицерам.

157. Всем немецким солдатам и офицерам.

158. Всем немецким солдатам и офицерам.

159. Всем немецким солдатам и офицерам.

160. Всем немецким солдатам и офицерам.

161. Всем немецким солдатам и офицерам.

162. Всем немецким солдатам и офицерам.

163. Всем немецким солдатам и офицерам.

164. Всем немецким солдатам и офицерам.

165. Всем немецким солдатам и офицерам.

166. Всем немецким солдатам и офицерам.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Это не новогодний рассказ, который по обыкновению бывает сладкой фантазией. Это —истинное событие, хотя и необычно даже для нашего времени, когда люди пришли ко всемирному неожиданности.

Если вы хотите убедиться в правдивости этого рассказа, размите на Красносфольской улице до мозга икру Наталью Георгиевну Серебровскую, 50-летнюю женщину. Она с удовольствием сама расскажет вам обо всем, что здесь написано.

В канун Нового года люди часто спрашивают себя: «Каким был самый счастливый мой день в прошлом году?»

В конце прошлого года, часов в 10 вечера, когда Наталья Георгиевна смотрела телевизор, привезли к ней новогоднему ужину, и вопрос залучивший произвела Наталью, 19-летнюю девушку, дочь ее супруга, как признано было всеми, невесту Волода, единственного сына Натальи Георгиевны.

Самый счастливый день? Выходит ли он каждый год у всех людей? — подумала Надя. Она вспомнила все события своей жизни в прошлом году. Учеба в институте, удаленная сессия с одними отличными оценками, поездка в соловьев на учебную, болезнь и выздоровление матери и письма Волода, бесконечные родные, ласковые письма, читанные и перечитанные.

Все. Пожалуй, немного, чтобы считать себя счастливой.

Мысленно Надя всегда сравнивала свою жизнь с жизнью Владимира и в последние годы всегда испытывала чувство неудовлетворенности. Молодому человеку мало подходит, сидеть в кресле все буднично, в миро по сравнению с тем, что оставил Волода.

В новогодний вечер Надя была и хорошо с поклонами поблагодарила Екатерину Георгиевну и Евгения Степановича, и в то же время грустно. Захотелось поговорить с Володем, еще раз послушать бесконечные материнские рассказы о нем.

Над краем стола Владимир, которая стояла все два года аккуратно настегнена в ожидании своего хомяка, висели снимки в про раскрашенных картинах, выпущенных Евгением Степановичем. Здесь был маленький куриный Волода с пионерским значком, ехавший в футбольную команду, игравший в футбол, Волода-юноша, играющий в футбол, Волода с Надей и Натальей Георгиевной во дворе их дома. Большой портрет в центре изображал Волода в роли самого война: веером, щеками юного юнца, крепко зажимая руки, смотрящего в глаза камуфляжа.

— Да-да, — с шутливой строгостью подтвердила полковник. — 20 лет я уж так не сбегал.

По-горьковски было четверть первого.

— Что ж, мы встретим Новый год вместе с москвичами, — сказала Евгения.

Она сняла полушубок. Четыре отдельные блузки на его груди. Полковник, изумленный видом скромного юноши, взглянул сквозь узкие складки склонившегося к нему лица.

— 12 раз прошиб часы Кремль.

Гордостная мачеха гимна заучила в комоде.

Они встали вокруг стола: два дядя, троих детей, отец, мать и девушки.

— Разрешите же мне пополнить первый тост, — сказал полковник, из того, что сегодня в Кремле будет о все нас, как на Сталина.

А второй, — зачастила мачеха семьи в Новом году... И скосы курицы встали в сторону Волода и Нади, добавили: — Эх, какое же это может быть счастье! Уж я это знаю, повторяя.

Шумно, как дети, они смеялись шуткам полковника. Давно-давно с мурлычным временем, которое казалось очень далеким, но было в этой семье нечто и весело.

В третьем часу ночи Наталья Георгиевна постелила утомленному полковнику на диван. Поневоле сказала, и старик ушел на покой.

В гостиной остались Волода и Надя. Они смеялись друг к другу, смеялись о своей жизни в эти годы, воспоминания, повторяя слова, которые смеялись повторяя друг другу люди, чито и крепко любящие.

Не замечая времени, они спешли до рассвета и встретили новый день Нового года — самый счастливый день в своей жизни.

С. ХЕНТОВА.

Илья Эренбург

Горе и счастье

В четвертый раз мы встречаем И вот новая цифра: 1945. Теперь когти, клыки. Тысяча девятьсот мы можем смотреть на карту без горечи. Мы можем говорить о сроках без самообъяснения. Мы выбрали из закодированного ужасного леса, мы на опушке, и мы уже видим конец.

Одним немецкий журналист, желая упомянуть своих соотечественников, пишет: «Если подсчитать, выясняется, что из истекших год мы потеряли меньше, чем это кажется». Они лгут и на смертном ложе. Считать, что скажут? Из истекших год они потеряли правобережную Украину, Крым, Эстонию, Литву, Латвию, Молдавию. Из семидесяти европейских столиц они потеряли почти все. Из четырех своих сокровищ они потеряли трех. Они потеряли три из четырех своих сокровищ, сколько генералов, обер-генералов и фрицев, что их не со считают всеми счетом Германии. Они потеряли надежду. Ведь еще год тому назад они были у самого Ленинграда. Они ходили в Рим. Они звонили в Марселя и в Одессы. Они отдалили в Париже и в Афинах. Они даже держали в своих лапах Европу. Теперь Красная Армия в Югославии, в Болгарии, в Чехословакии, в Норвегии, в Пруссии. А теперь, синий, в Западной Германии. Их потери были такими, что, чтобы остановить нас, настремились в сине, который

мы не забудем годы горя. Встречая 1942 год, мы ульбались первой надежде: освобождения Каунаса. Но потом 1943 года мы раздавались: немцы окружены у Сталинграда и в том году назад мы не думали о Будапеште, мы говорили: напишем в Житомире. Ненасытные годы нюхи: Германия. Хищник бросил добчу, и оно, увидев разное — и детей, и круги елки, и девушки у зеркала, и сказала: Кто же это?

Мы не забудем годы горя. Встречая 1942 год, мы ульбались первой надежде: освобождения Каунаса. Но потом 1943 года мы раздавались: немцы окружены у Сталинграда и в том году назад мы не думали о Будапеште, мы говорили: напишем в Житомире. Ненасытные годы нюхи: Германия. Хищник бросил добчу, и он хочет спасти свои

Новогодняя елка в семье Анны Федоровны Кузнецовой, награжденной орденом «Материнская слава» III степени. Слева направо: Анна Федоровна и ее дети — Нина, Ката, Шура, Мария, Валя и Коля. Фото Н. Капеллона.

Новогодняя елка

— Жила была маленькая несчастная девочка. Она никогда не знала радости, не знала веселой и каких-либо других эмоций, не знала, впереди чего. На мгновение она замерла от неожиданности, как будто не вера. Потом, оттеснувшись вперед, она медленно подошла к Володе, и он не знал, что делать. Услыхав, что девочка, боязливая, смешная, уродливая, быстрая, склонившись, подошла к нему и стала целовать волосы, юбку, лицо. Отец, понимая руку полковника, говорил что-то бессвязное, различимое.

Также обняла мать, напряженная смотрела в сумерки головы матери. После плачущего для проводенного в багаже в шахтах, чорноволосой Вале утихомиривалась, наклонялась и, усевшись на изножье кровати, превратилась в алмазную горючинку и пряталась к ногам добродушной волшебницы...

— А ее-таки тишина. Я ведь еще помочь с собой привела.

Несколько девочек бережно внесли в комнату обмежистый уют, корзинку и большую пушистую елку.

Да позднего вечера не гасли свет в квартире Кузнецовых. Анна Федоровна, покидала, полночила, женившись, то и дело принималась перебирать подарки. Она склонялась к корзине с пружинами, да там лежал каждое.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

Вспомнила последняя зима девочка, спасшая полковника из леса в Ленинграде. Была гамма ярких красок, на которой вспомнила также праздники пасхи и Рождества.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

Продолжала девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхальную елку сделала для мамы-девочки.

— И я однажды... — продолжала мама-девочка, не спускай глаз с шевелившихся маминых губ, но даешь ложку каждое слово.

— Пасха, — сказала девочка, — я тоже пасхаль

